

Стахановская наука побеждать

Товар Павел Быков, депутат Верховного Совета СССР, умно и поэтически образно выразил свою мысль о машине: «Я смотрю на свой станок, как на оружие боя, которое доверила мне моя страна». Необычное оружие! Оружие не войны, а мира, не разрушения, а созидания, не нужды, а изобилия, счастья, коммунизма.

Экономисты и философы немало томов написали, объясняя отношение рабочего к машине. В Англии в начале XIX века «луддизм» ломал машину, безработные современного американского «райа» и его марshallизованных филиалов проклинают ее.

В советской стране недоверие и ненависть простого человека к машине уступило место заботе и любви к ней. И для этой смены чувств и отношения потребовалась смена общественных систем, потребовалась победа социализма, одержанная в нашей стране благодаря гению Ленина и Сталина.

Волею партии коммунизм вошел в каменный век истории. Он овладел умами, сердцами миллионов, горячо желающих приблизить день его свершения. Невысказанный талант нашего народа породил не только разнообразные формы социалистического труда, но и новые формы производства. Каждый лотин новатор предлагает лучшее овладение машинами, разумное их использование.

Почетным стало слово «скоростник». Скоростники, мастера скоростных плавок, скоростной кладки, скоростной добычи. Так называют лучших производителей — токарей, фрезеровщиков, сталеваров, камешников, проходчиков.

Скорость и точность — стиль стахановцев.

Овладев этим стилем, П. Быков в течение четырех лет выработал норму четырех пятилеток. Знатный зуборезчик Урала В. Пономарев, управляя несколькими станками одновременно, обязался дать за пять лет тридцать годовых норм. Забылши Подмосковья бассейна И. Борсанин, применив свой метод проходки штреков, добился в одну из смен выполнения нормы двух дневных заданий. Токляр воронежского завода имени Коминтерна А. Елагин довел скорость резания до 1605 метров в минуту. Формовщик Московского автозавода имени Сталина П. Гончаров зарекомендовал за рабочий день свыше восьмидесяти олов.

Все эти рекорды выросли на благодатной почве массового движения стахановцев-скоростников, на основе массового трудового подъема.

Имена новаторов производства стали известны стране наряду с именами государственных деятелей, передовых людей науки и культуры. Г. Борсанин и П. Быков стали популярными в народе тогда, когда их рекорды вышли в бундэ-препараты. И. Росийский известен как зачинатель коллективного стахановского труда. А. Чутких знает как создателя первой бригады отличного качества. В. Воронин — инициатор борьбы за культуру рабочего места. М. Рожнев и А. Кононенко доказали себя как бережливые хозяева производства. Л. Борсанин и Ф. Кузнецов, добившись комплексной экономии, работают день-полтора в месяц на экономичном материале.

Им нет числа, начинания новаторов! Если изучить каждый из стахановских подвигов, то станет очевидной органическая связь. Они дополняют друг друга, развивая и обогащая всенародный опыт хозяйствования, мастерства, опыт строительства нового мира.

Еще плохо изучена, слабо обобщена важнейшая стахановская наука — наука побеждать в труде! Но она помогает миллионам одерживать новые и новые победы. И действительность каждой новинки этой народной науки испытывается не в лабораториях, а на предприятиях, не одиночками, а миллионами незаметливо.

В своей работе «Очередные задачи Советской власти» В. Ленин писал, что в новых советских условиях ведения хозяйства «...сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образовые коммунеры должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подкапывателями остальных коммун». Новое, рожденное в бригадах, становится достоянием целых пехов и предприятий, и они в свою очередь служат примером другим, служат университетом сотен и тысяч других предприятий.

Вслед за участием Российского стахановскими становятся пехи многих предприятий, пехи заводы — «Балдор», Карьюраторный. Примеры бригады Чутких следуют тысячи других бригад, пехи.

пехе фабрики, завоевавше звание отличного качества. — Обуховская тонкосуконная фабрика имени Ленина, Московская кардоложная фабрика и т. д. Это дает основание Чутких заявить: «...завтра, я в этом уверен, повсюду вообще отомрет понятие сортисты, люди забудут, что бывало еще какие-либо сорта, кроме первого».

Отличное качество и большое количество не смогут удовлетворить советского труженика, если изделия, вышедшие из его рук, не будут становиться дешевле из месяца в месяц, изо дня в день. Товарищ Сталин указывал, что «...основная линия, по которой должна пойти наша индустрия, основная линия, которая должна определять все ее дальнейшие шаги, — это есть линия систематического снижения себестоимости промышленной продукции».

Стахановцев радуется каждой копейке сокращенного расхода на изделие. Рачительный хозяин, стахановец достигает экономии путем улучшения технологии, сбережения материалов, совершенствования мастерства. Он знает, что солидная доля накопленных им от снижения себестоимости копеек и рублей вернется из государственной кассы к нему в виде выгоды от снижения цен на товары. И если Рожнев и Кононенко с ликованием встретили постановление правительства об очередном снижении цен, от которого советский народ выгадывает много десятков миллиардов рублей, то они знают — в этих миллиардах и те миллионы, которые дали за год стране их родная Купавинская фабрика от сверхплановых накоплен и продукция, изготовленной из сэкономленной шерсти.

Если мы читаем в сообщении Центрального статистического управления, что в прошлом году себестоимость продукции снижена в промышленности на 7,3 процента, что национальный доход превысил на 17 процентов доход 1948 года и на 36 процентов — последнего довоенного года, это значит, славно поработали Матросов, Угловых, Борсанин, Пономарев, Чутких, Росийский, Воронин, Борсевич и миллионы других множителей народных богатств.

В благотворной обстановке социалистического общественного строя небывало расцвела творческая инициатива миллионов. Труд физический и активный строителя нового мира стал трудом и умственным. Стахановец является не только создателем материальных ценностей, но и поборником новой науки, новых норм и нормативов, ломающих старые представления о производительности труда.

Изучая стахановские подвиги, передовые советские ученые, инженеры пересматривают учебники, обновляют машины, создают более совершенные и мощные станки. Стахановские скорости резания рожают новое социалистическое станостроение. В процессе непрерывной новаторской деятельности духовно растут советские труженики. Содружество ученых и производственников стало новым массовым движением.

Профессора, доценты Днепропетровского металлургического института имени И. В. Сталина читают на заводах Днепропетровя лекции, проводят консультации, помогают рабочим отрегулировать новое оборудование. Уральские ученые участвуют в разработке самых животрепещущих производственно-технических проблем заводов и фабрик. Часто ученые сами становятся слушателями, учаь у стахановцев.

Ленинградский математик Г. Дубинин сделал в Москве доклад на одной из кафедр Станкоинструментального института имени И. В. Сталина. В том же институте токарь завода шифровальных станков Б. Кулагин поставил перед учеными задачу создания некрошащейся, сливной стружки чугуна, что поможет намному ускорить отточку чугунных деталей. Молодой сталевар завода «Серп и молот» А. Субботин сделал доклад на научно-технической конференции об обеспечении стойкости марганцевой пехи и длительности ее межремонтной службы. Мы говорим: «Инициатива миллионов». Это прежде всего свидетельствует о расцвете личности при социалистическом строе. Каждая победа новатора свидетельствует об этом расцвете. Каждая такая победа глубоко индивидуальна, своеобразна. Каждая такая победа — тем а для советской литературы, тема, ожидающая писателя, требующая полноценного художественного раскрытия.

Новатор, уможающий благосостояние своего народа, государственные мыслитель, представляющий то новое поколение, которое в условиях советской власти, по образу выражению В. М. Мологостова, «начинает распырывать свои орынные крылья», — основной герой нашего времени.

Показать этого героя во весь его богатый рост средствами всех литературных жанров — самая почетная задача для каждого советского писателя и для всей нашей литературы.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

Проклятый телевизор! Двадцатый город включено, а все та же картина!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (2637)

Среда, 7 июня 1950 г.

Цена 40 коп.

Драматург и его главная тема

А. С. СУРКОВ

Группа передовиков московской промышленности обратилась к нашим драматургам с письмом: рабочие-новаторы, известные всей стране, совершенно справедливо утверждают писателей за то, что они пренебрегают важнейшей темой всего нашего искусства и литературы — темой социалистического труда. Когда вдумываешься в это письмо, испытываешь чувство гордости за советских людей, которым так близки советская литература, советский театр. Но я испытал при чтении письма также и чувство горечи за своих соотечественников, за то, что писатели наши, драматурги еще не понимают, как важно, как жизненно необходимо показать в своих произведениях творца новой жизни.

Представитель рабочего класса — рабочий человек — еще не нашел достойного воплощения в нашей драматургии. Обычно, даже в лучших пьесах, он не центральный образ произведения, а только второстепенное действующее лицо при главных героях — директорах, инженерах, профессорах. Вспомним недавние пьесы — «Огненную реку» В. Жовновикова и «Карьеру Бекетова» А. Софронова, которые по темам своим были очень важны. Помимо всех других недостатков, имевшихся в этих пьесах и уже широко обсуждавшихся, существеннейшим недостатком их, мне кажется, состоит в том, что рабочие люди, действующие в них, малоубедительны, рабочие не являются типами и характерами. Это произошло оттого, что есть еще у наших драматургов неверное представление, будто «рабочий» — это некое среднее, умеренное понятие. Поэтому-то у Жовновикова его персонажи — и мастера, и рабочие — говорят искусственным языком. И часто писатели пытаются каламбурами и провинциальными речениями восполнить недостаток достоверности в описании характера своих героев.

Надо сказать, что образ советского рабочего не очень богато представлен и в нашей прозе и в нашей поэзии. Значительно больше повезло человеку советской деревни. Начиная с «Поднятой целины», «Брусков», в литературе 30-х годов и послевоенные лет создано немало произведений, где крестьянин и колхозник являются центральными образами. В драматургии образ колхозника также занимает более почетное место, чем образ рабочего. У нас появились пьесы «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «Калиновая роза» А. Корнейчука, «Степь широкая» и «Чапа радости» Н. Винникова, «Настя Колосова» В. Овечкина, «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова. Но и этого, разумеется, еще мало. Тема интеллигенции представлена в театре рядом пьес, знаменующих некоторые успехи драматургии («Два лагеря» А. Якобсона, «Великая сила» Б. Ромалова, «Закон чести» А. Штейна).

Почему же образ рабочего так неправомерно отодвинут в драматургии на третий план? У некоторых писателей есть ошибочное мнение, будто писать пьесы о рабочем классе трудно, потому что получится скучно. Думается, имеет значение и то, что и вообще-то в русской литературе до бесмертных произведений М. Горького образ рабочего появлялся не часто. Опыт классической литературы в изображении образов крестьян и интеллигенции много богат. Значит, когда мы говорим о создании образа рабочего в драматургии, нам во многом надо понимать цель. Это самая важная, самая главная, трудная, но благородная задача.

У нас много говорят о занимательности пьесы. Конечно, пьеса должна быть интересной, но интересность ее состоит вовсе не в сюжетных хитросплетениях, в остроты, неожиданных поворотах интриги. Пьесы Чехова и Горького, лишенные сюжетных ухищрений, в репертуаре держатся десятилетиями, потому что в этих пьесах мы попадаем в атмосферу больших чувств, больших характеров, больших и острых вопросов действительности. Эти великолепные произведения привлекают богатством духовного содержания; их содержание тянется внутри, в глубинах человеческой личности.

И мне кажется, что неудачи в разработке темы рабочего класса в драматургии и на театре происходят, главным образом, оттого, что наши драматурги недостаточно глубоко познали основные черты характера человека эпохи строительства социализма; они не познали еще советского человека во всей его красоте, многообразии и интеллектуальной яркости.

Характер человека раскрывается во всем — и в том, как он работает, думает, творит новое, и в том, как он живет дома, в его отношениях с окружающими людьми, с женой, с детьми. Вот этой простой вещи и не учитывают наши писатели. В «Огоньке» недавно был напечатан очерк об одном человеке из Горького, который из рабочего вырос в изобретателя. В очерке подробно описано, чему он учился, куда ездил, что изобрел. Есть в очерке и другая, параллельная линия — автор описывает, какая у его героя жена, дочка, как она играет на пианино. Но эти две части жизни человека оказались никак не связанными между собой — был вошел в очерк лишь «для оживления». Но дело не только в этом. Плохо то, что читателю, подробно узнавшему, что делает герой очерка, неясно, почему он так делает, почему он такой беспокойный, почему не спит по ночам, почему, приехав из московской командировки, он не остался обедать с друзьями, а пошел на лекцию.

На все эти и подобные вопросы писатель и драматург должны дать ответы, ибо, только ответив на них, можно раскрыть характер человека и показать те

огромные сдвиги, которые произошли в психологии, в духовном мире рабочих людей за годы советской власти. Мы еще не подошли к этому. А если бы подошли, то я уверен, что история Николая Росийского, показанная на сцене, захватывала бы зрителя больше, чем история короля Макбета и его коварной жены, чем история Шейлока или даже Катерины из «Громы». Захватывала бы больше потому, что жизнь советского человека богаче, чем жизнь героев, рожденных в недрах до социалистического общества.

У советской драматургии огромные задачи, и задачи эти вовсе не определяются какими-то кампаниями. А между тем кампанейское отношение к теме у нас до сих пор существует. Так, было время, когда одна за другой начали появляться пьесы, посвященные борьбе с низкопоклонством перед буржуазным Западом. Это актуальная тема нашей действительности, и лучше из этих пьес был тепло принят зритель. Но беда в том, что в большинстве своем авторы этих пьес не погружались глубоко в жизнь; они пахали одинаково, на 15 сантиметров, и каждая новая пьеса не отпадала новым пластом, а шла на уровне предыдущих.

В последнее время появилось немало пьес, разоблачающих англо-американский империализм. Появление этой темы также глубоко закономерно в нашей драматургии. Оно показывает, что советские драматурги живут вместе со своим народом, чутко улавливают то главное, что волнует наших людей. Но когда внимательно посмотрим, как же реализована эта тема, то увидим, что из восьми выстрелов лишь один дает приблизительно точное попадание. Мне кажется, что, походя к изображению буржуазного Запада, некоторые драматурги поплыли по привычным, ремесленным путям: в пьесах присутствует элемент самодовольного сюжета, стремление к ложно понятной занимательности. И более того, нередко в этих пьесах вместо сурового, страстного обличения мира гангстеры наблюдаешь чрезмерный интерес и чуть ли не любование этими лихими гангстерами. Так, например, главным героем пьесы Н. Погодина «Миссисипийский валльс», — вероятно, вопреки желанию автора, — стал не прогрессивный американец Форстер, а гангстер Гаррота. А постановщик и исполнитель в театре им. Ермолова еще более усугубили этот недостаток.

В решении темы борьбы против англо-американского империализма еще непочтительный край неиспользованных возможностей. Мы слишком приблизительно изображаем наших врагов. Из тех пьес, которые мы видим сегодня, иногда можно почерпнуть лишь ту бесспорную, но далеко не исчерпывающую всей задачи мысль, что враги достойны презрения. А нам надо врага показать так, чтобы воспитать в зрителях чувство ненависти к нему, ненависти активной и действительной, потому что настоящие враги в жизни ничиннее и отвратительнее тех элементарных мерзавцев, которые мельтешат перед нами на сцене в лице стандартных сенаторов, генералов в оккупационных зонах или бесемных, кочующих из пьесы в пьесу шпiono-журналистов. Это тему нельзя решать ремесленно. Она ставит перед писателями и драматургами большие и чрезвычайно серьезные задачи, ибо сегодняшняя борьба против поджигателей войны — это дело всего человечества, которое будет длиться до тех пор, пока мир капитализма не будет окончательно побежден силами прогресса и демократии.

Надо полагать, именно ремесленное решение многих тем приводит к утрате многими драматургами чувства жанра. Впрочем, есть у этого явления и еще одна причина: отношение театральной критики к некоторым жанрам драматургии. Особенно не повезло в этом отношении комедии. Стоит только появиться комедия, как она зачастую превращается в мишень для бесконечного количества критических упреждений на тему об «ополнении нашей действительности». Вспомним, например, как доставалась такой комедии, как «Вас вызывает Таймыр», в которой, несмотря на ряд слабостей, в то же время много веселого, живого, а главное, верно подмеченного в характерах хороших советских людей.

Несколько наши критика придерживаются странного мнения, будто комедия должна быть прежде всего серьезной. Мне довелось, например, слышать, как на одном из литературных собраний умный человек, философ, говоря об отделе юмора в журнале, заметил, что юмор должен быть серьезным во что бы то ни стало.

Нам нужна настоящая веселая и сатирическая и лирическая комедия. Она нужна потому, что мы не соскочили еще всю грязь пережитков капитализма, не очистили всех закоулков быта. Вполне естественно и правильно требование, предъявляемое к драматургам, в каком бы жанре они ни работали: показывать на сцене советского человека, раскрывать его характер прежде всего в труде. Только так можно выявить главные, определяющие стороны его жизни. Однако жизнь — это и быт людей. В нашей же драматургии герой в большинстве случаев обоготвен в его общественно-производственной среде, в его трудовой и политической деятельности. И зрители — люди, у которых интересы самые разносторонние, — идут иногда туда, где идет шлошавая иностранная оперетта или незаслуживаемый водевил, в котором все глупо, но

где люди объясняются в любви, где как-то показан быт. Но ведь у нас-то быт совсем другой. Наш советский быт находится в состоянии такого же революционного пересоздания, как все остальные стороны нашей жизни. Так почему же драматурги не показывают в своих пьесах этот новый быт, почему забывают они о том, что зрители хотят получить множество советов и ответов в этой области жизни?!

Жизнь советских людей — рабочих, колхозников, интеллигенции — вот главная сфера, питающая наше искусство, вот к чему должно быть приковано внимание драматургов и театров. Вспомним еще раз постановление ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров. Там ясно сказано, что каждый театр должен показывать в год по две-три новые пьесы на современную советскую тему. Но ведь это требование не выполняется. Окинем взором прошедший сезон. Малый театр поставил «Калиновую рожу» и «Тайную войну». Художественный — «Илью Голованова» и «Чужую пеху», театр им. Моссовета — «Чашу радости» и «Общее мнение». А остальные московские театры? В лучшем случае, они дали по одному спектаклю, а такие, скажем, как театр Ермолова, Центральный театр Красной Армии, Центральный театр транспорта, не поставили ни одной пьесы о людях, сегодня строящих коммунизм.

Почему же это так мало тревожит наших драматургов и руководителей театров, Комитет по делам искусств и Союз писателей, наконец, нашу театральную критику? Ведь со дня постановления Центрального Комитета прошла почти пятилетка. За пятилетку мы восстановили много и много из того, что было разрушено войной; мы широко шагнули вперед во всех областях жизни. А в драматургии и театре приходится все еще говорить о вопиющих недоборах.

За последние годы в советской литературе появилось множество новых имен. А новых драматургов мало. Пришли Ю. Чуприян, В. Собо, А. Борсанин, Н. Винникова и некоторые другие. Конечно, этого далеко не достаточно. И понятно, что за воспитание новых кадров драматургов прежде всего отвечает Союз писателей.

Значительную роль в развитии советской драматургии, воспитании молодых кадров должна играть Комиссия по драматургии Союза советских писателей. Комиссия эта долгое время совершенно не выполняла своих задач, недаром работа ее подвергалась столь резкой и справедливой критике на XIII пленуме правления СССР. Сейчас в работе комиссии произошли изменения в лучшую сторону. В ней работают драматурги, пользующиеся большим авторитетом среди нашей литературной и театральной общественности, однако впереди еще огромная работа. И заботливое выращивание новых кадров драматургии, действительная помощь молодым драматургам — важнейшее звено этой работы. Комиссия должна установить плодотворное творческое сотрудничество драматургов и театров. Ведь только из такого сотрудничества рождается театральный спектакль.

Мы часто бываем очень пассивны по отношению к работе театров. Чем, как не отсутствием заботы о судьбах драматургии, можно объяснить тот факт, что на обсуждении итогов театрального сезона в Доме литераторов отсутствовали многие ведущие драматурги?

Только отсутствием этой заботы можно объяснить появление всяческих сорняков, забивающих репертуар. Есть один непреодолимый закон в сельском хозяйстве: на хорошо обработанной почве сорняк чувствует себя плохо. Он разрастается там, где обработка пуста. Когда наша драматургия оказывается неспособной заполнить репертуарные планы текущего сезона полноценными пьесами, получается такой пустырь. А занавес должен открываться каждый день в 8 часов вечера, и пьесы должны идти, и если нет хороших пьес, — театры поневоле ставят пьесы похуже.

Действенной силой в формировании и развитии нашей драматической литературы и театра должна являться театральная критика. Об этом нам со всей четкостью сказал Центральный Комитет партии. Но за прошедшие со дня постановления репертура года критика мало продвинулась вперед. В свое время здесь свили себе гнездо космополиты. В результате большой работы партии и общественности, которая была проведена в прошлом году, группа критиков-антипатриотов разоблачена. Но настоящей боевой, плодотворной театральной критики, которая должна вырасти на расчищенной почве, все еще нет.

Еще очень мало пишут о театре и драматургии наши журналы и газеты. «Советское искусство», «Литературная газета», журнал «Театр» далеко не достаточно интересуются вопросами развития драматургии и театра, недостаточно остро и глубоко ставят важнейшие вопросы нашей театральной и литературной жизни. В большом долгу перед зрителями и читателями и наши большие общественные газеты и наши «тожесть» журналы.

В области театральной критики необходимо самый решительный поворот. Ориентировать драматургию и театр на решение важнейшей задачи нынешнего дня — на создание пьес и спектаклей, посвященных главной теме советской действительности, — такова первая задача театральной критики. Только в результате общих усилий драматургов, деятелей театра и нашей критики появятся пьесы, которых так desperately ждет советский зритель, пьесы, в которых в полный, величественный рост будут показаны люди нашего общества, уже увидевшие свет коммунизма.

Международные отклики

ЛИЦЕМЕРЫ ИЗ ЮНЕСКО

Открытие пятой генеральной конференции так называемой Прогрессивной научной и культурной организации Объединенных наций (ЮНЕСКО), состоявшейся 22 мая во Флоренции, происходило в этом году с особой торжественностью.

Немало словесного тумана было напущено и при подготовке этой конференции. «...Моральной проблемой, которая будет руководить дебатами во Флоренции, — велел генеральный директор ЮНЕСКО Торрес Бодет, — является проблема мира. Смысл существования ЮНЕСКО заключается в укреплении мира».

Справедливость требует отметить, что у г. Бодета и его сподвижников были все основания подносить вывеску возглавляемой ими организации. Служаком уже открытово госдепартамент США превратил ее в один из своих филиалов!

Накануне нынешней конференции в комиссии по делам ЮНЕСКО при госдепартаменте США (а она-то и есть подлинный руководящий орган этой якобы международной организации) сенатор Байтон потребовал, чтобы ЮНЕСКО выполняла лишь американские задания.

Приказом хозяина — закон. И вот вслед за Трумэнном, окрестившим свою «отсталую пропаганду» кампанией по расширению «истины», и Торрес Бодет объявляет, что мисией ЮНЕСКО является... «постоянный крестовый поход во имя истины и терпимости». В этот крестовый поход включают наряду с гимназическими призраками также ревнителю «истины и терпимости», как типоевская Югославия, маркнеточные правительства Южной Кореи, Малайи и Трансвалянда, сменив принятые в члены ЮНЕСКО. Подготавливается прием банного «правительства».

Однако в наши дни много легче повторить американские лозунги, чем соблюдать декорум международной «прогрессивной, культурной и научной организации», не имея на то достаточных оснований.

Чехословацкое правительство внесло на обсуждение конференции резолюцию, требующую полного запрещения атомного оружия, строгого контроля над этим мероприятием и объявления военным преступником того правительства, которое первым использует атомное оружие.

Это требование сотен миллионов людей доброй воли, в том числе всех лучших деятелей просвещения, культуры и науки. Но именно этого-то требования больше всего боится г-н Торрес Бодет, Джулиан Хаксли, Франсуа Морьяк и все другие любители маскировать свое поборничество поджигателям войны сладкими речами о «культурном сотрудничестве» в лоне ЮНЕСКО. После недолгого созерцания чехословацкой резолюции бюро конференции решило «утихомирить» ее среди сотен других предложений в «комитете по вопросам программы», где, по призыванию самого Торреса Бодета, собирается «коллекция деклараций о бесонии».

Тем временем приближился на конференцию помощник государственного секретаря США Элвард Баррет, уполномоченный координировать антисоветскую пропаганду стран атлантического блока, развивая лихорадочную деятельность. Его заместитель Сарджент, при активной помощи типоевского хамелеона Рубинкара, выработал программу перестройки деятельности ЮНЕСКО. Цель — расколоть движение сторонников мира, противопоставив ему деятельность лжемиротворцев из ЮНЕСКО.

Тшетные потуги! В наше время никто не поверит «миротворцу», который отказывается поддержать требование миллионов о полном запрещении атомного оружия.

А. ВАРШАВСКИЙ

75 лет со дня рождения С. К. Нейманна

5 июня чехословацкий народ отметил 75-ю годовщину со дня рождения великого чешского поэта С. К. Нейманна.

«Самым большим и самым мужественным поэтом» назвал Клемент Готвальд Станислава Костку Нейманна, основоположника социалистической поэзии Чехословакии.

Нейманн прошел большой и сложный творческий путь. Он начал печататься в девятилетних годах и отдал пятьдесят лет жизни служению искусству своего народа. Поэт смело отверг эстетические приемы буржуазной культуры и либеральной менапский гуманизм. «Всеобщая любовь» — это лицемерие и пустая фраза мелкого буржуазного поэта, — писал С. К. Нейманн.

Любовь поэта безраздельно принадлежала трудящимся. Действительным творцом всего прекрасного на земле. Действительный гуманизм привел Нейманна на позицию пролетарской борьбы.

Уже в 20-х годах, когда было подавлено революционное наступление рабочего класса, Нейманн предрепубликал о возможности мюнхенского правительства. В 1937 г. он смело разоблачил Андре Жюда, опубликовавшего клеветническую книгу о Советском Союзе. Нейманн активно выступил против фашизма. И он же залейким презрением поджигателя войны мистера Трумэна в стихотворении «Первый май 1947», написанном за два месяца до смерти.

От имени своего народа Нейманн одним из первых приветствовал рождение государства рабочих и крестьян в нашей стране. В 1920 г. он организовал издание книги Ленина на чешском языке — «Государство и революция». В журнале Нейманна «Черен» появилось и первое стихотворение Маяковского.

Вместе с народом страдал он и радовался. И когда Советская Армия освободила Чехословакию, Нейманн вместе с народом принес горячую благодарность Советскому Союзу:

За ваши бесконечные дары,
За светоч тот, во тьме зажженный вам,
За ваши яркие походные костры
От сердца миллионов отлаю
Вам благодарность вечную свою.

Потому так любим Нейманн народом. Поэтому молодые чехословацкие поэты считают его творчество образцом служения народу.

Нина НИКОЛАЕВА

Победа у Любека

Событие огромного политического значения, каким явился Общегерманский слет молодых борцов за мир, не может быть подточен точкой после его окончания.

Пожно время, чтобы определить масштабы, услышать отклики, заметить влияние этого события на текущую жизнь. В сущности, слет молодежи еще продолжается на периферии.

Послушаем сначала, что говорят враги демократической Германии. Американское агентство Ассошиэйтед Пресс признало еще в первые дни слета, что «число участников не только достигло, но и превзошло ожидания».

Интерес, проявленный англо-американскими комментаторами к парадной молодежи, также свидетельствует о том, что слет всерьез обеспокоил реакционеров Западной Германии.

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Три четверти всех пилотов американской авиации, расположенной в Западной Германии, получили приказ быть в готовности на случай «беспорядков в Берлине».

Вероятно, американские офицеры, как правило, лишены юмора.

Бермота всякую ерунду о слете, английская газета «Дейли мейл» вынуждена тем не менее признать: «Во всяком случае, все это производит потрясающее впечатление».

Анатолий АГРАНОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Малая механика важна, но необходима. Колхозники знают это, пользуются и сапкой и косой, когда нет машины. Они и сами умеют, как мы видели, создавать простые машины для облегчения труда.

Слов нет, трудно создать машины для ухода за кок-сагызом. Тяньшаньский оуланчик совсем «юно», это вчерашний дождь — своеобразный, калпирный, до сих пор не привыкший к своему «культурному» положению.

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Верьезе дело не пойдет» — вот как стоит вопрос. Можем ли мы, зная об этом, допустить, что бы то ни было недооценку механизации сапководства?

«Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему учились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства...» — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому учились у нас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!

«Этот совсем не просто — подняться на огромную сцену, войти на трибуну и под взглядами полутора тысяч человек, под слепящим светом прожекторов, под грохотом киноаппаратов сказать свое слово так же спокойно и вдумчиво, как в колхозе, на сессии сельского совета».

«Сапкой полоть?» — гремит усиленный десятками репродукторов голос колхозного бригадира Александра Фосенко. Эта художественная, совсем еще молодая женщина проносит слово, которое во многом определяет весь ход совещания: «Механизация».

«Законича свою речь другая колхозница — Герой Социалистического Труда Агратипина Пармузина. Но чей-то негромкий голос влетает в гуд аплодисментов: — Вы хорошо про ваш урожай рассказывали. А как по колхозу бедопольскому? Общий итог?»

«Вопрос задает маленькая старушка в белом платке, сидящая за столом президиума, — Елена Семеновна Хобта, тоже Герой Социалистического Труда, давняя соперница Пармузиной по рекордным урожаям. Она переулыбается в трибуну и готовится караулять — записать ответ. Однако карауляник дрогнул. Хобта широко развела руками: удовлетворена, дескать, ответом, вполне удовлетворена. Цифра, названная Пармузиной, была велика; для иных колхозов — рекордная. Агратипина Антоновна тоже повеселелась и поудряла так, что микрофон перестал улавливать ее слова, и продолжила: — Олена! Твое звание, мое звание — дела не решают. Двух гектаров страну не обеспечишь. Общий подъем нужен!»

«Два дня продолжалось совещание сапководов Украины. Колхозников сменяли на трибуне министры, министры — агрономы, агрономы — деятели большевистской партии, ученые».

«Вся история советского сапководства — это полет рабочих, колхозников, ученых, конструкторов, шаг за шагом освобождавших свою страну от «сапководческой зависимости». Вехами этого полета были первые шны из СК — синтетического сапководства, который мы научились получать из картофеля, из спирта, — бесспорный приоритет советской науки и техники! Об этом поведал свидетельствовал и первая камера из отечественного НК — натурального сапководства, которая установила в заместителем авторобере в пустыню Кара-Кумы и привезла обратно в Москву московский воздух: сохранила герметичность на всем протяжении полета».

«Считалось бесспорным: в странах умеренного климата сапководства нет и не может быть. Мир помнит неудачу Элвисона, который в поисках промышленных сапководов перебрал тысячи растений Аризоны, Флориды, Техаса, — да так и оставил свою затею. Америка, как и Англия, нашла другой способ добычи сапководства: ветхозападные гевелы растят только в тропиках — в Индонезии и Малайе, на берегах Бонго и на Филиппинах, в долине Амазонки и в Либерии. Пулеметами и танками, крейсерами и «летающими крепостями» добывают они сапковод».

«В феврале 1931 года прозвучали спокойные, уверенные слова товарища Сталина: «У нас имеется в стране все, кроме разве сапководства. Но через год-два и сапковод мы будем иметь в своем распоряжении». Миллионы откликнулись на призыв вождя. Во время всенародных поисков было обнаружено свыше шестисот растений, содержащих сапковод. Лучшее из них — сапководное растение, найденное в отрогах Тянь-Шаня в конце 1931 года, спустя несколько месяцев после речи товарища Сталина».

«Советские люди доказали: сапководы могут процветать под солнцем нашей Родины. Мы получили в свое распоряжение вещество, без которого немалыми самолетами и автомобилями, линиями электропередач, перчатками хирурга».

«Самое киевское совещание — продолжение полета. Оно знаменует собой новый переломный момент в истории сапководства: переход на гигантские колхозные сапководы. Это государственную задачу обдумывает со своим правительством народ».

«Сапкой полоть...» — Александра Фосенко подняла, по сути, одну из центральных проблем, если не самую главную, — проблему механизации».

«Рядом с Киевским театром оперы, где проходило совещание, расположилась небольшая выставка УПДИМ — Украинского научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства. Институт этот, печально знаменитый тем, что за весь послевоенный период не дал колхозам ни одной сапководной машины, на сей раз решил блеснуть: выставленные новые машины блеснули в прямом смысле слова. Особенное внимание привлекала корневоборонная машина «КТК—УПДИМ».

«Надо было видеть, как жадно слушали колхозники и колхозницы объяснения инженера. Эта машина сама подкапывает корни, выбирает их из земли, срывает ботву, очищает корни... Комбайн!»

«Производительность? — спрашивает высокий бригадир с запорожскими усами. — В день... отпи гектар».

«Комбайн» на тридцать гектаров в месяц! Колхозники весело промолчали. А усатый бригадир все же не сдержался: — Хай вин тут и стоит».

«...В этом зале, в этом зале, с этой трибуны выступала еще пять лет назад председатель колхоза «Пролетар» Сидор Антонович Кузнец. Тогда он не был еще лауреатом Сталинской премии, конструктором колхозных машин, известным всей стране. Но уже и в то время он рассказывал, как колхозные кузнецы поспорили по его чертежам колхозный пропанчик для кок-сагыз».

«Сидельный за столом президиума Никита Сергеевич Хрущев поднялся и сказал: «Пропанчик Кузнецов надо показать всем». Ночью прямо на ородах колхоза «Пролетар» президиумский легкий самолет, а утром на сцене оперного театра, перед столом президиума появилась неслыханная машина... В том же году в отрогах колхозов кок-сагыз волею пропанчика Кузнецова».

«Вот секрет атомной бомбы уже давно не является больше секретом. А мичуринская наука народа и масса по своей сути, и даже самый изворотливый капиталистический гангстер не сможет обойти ее достижения против народов мира. Поэтому то ученые лакеи капитализма и обрушивают свои стрелы на мичуринскую науку».

«Однако лучшие умы человечества, такие передовые ученые, как Ф. Жолио-Кюри, прогрессивные мыслители, писатели, художники, трудящиеся массы решили иначе. Их отношение к мичуринской биологии выражено в замечательных словах одного из лучших поэтов Франции Поля Элюара».

«Мы сделали выбор между достижениями Мичурина и достижениями атомной бомбы».

«В то время, когда большинство биологов буржуазного Запада отгульно отвергали выводы Мичурина о том, что можно изменить наследственность растений с помощью вегетативной гибридизации, молодой болгарский биолог Райна Георгиева проделала ряд опытов с томатами, аналогичных опытам учеников Т. Д. Лысенко».

«А. Авакьян, И. Глушенко и другие. И она пришла к тем же самым выводам, что и советские ученые-мичуринцы».

«Наши агрибиологи, — писала болгарская газета «Отечествен фронт», — твердо стали на сторону творческого советского дарвинизма, учения Мичурина и Лысенко».

«Весенние полевые работы в этом году в Болгарии проводило уже 1.605 трудовых кооперативно-земледельческих хозяйств (ТКЗХ), объединяющих 161 тысячу крестьянских семей. Перед их представителями на общеполитическом съезде земледельческих кооперативов, состоявшемся в апреле этого года, выступали и отчитывались ученые-биологи».

«В Болгарии, в деревне близ Плевны встречать делегацию деятелей советской культуры выпало на долю все население с красными флагами и приветственными транспарантами».

«На одном из транспарантов участники делегации профессор-мичуринец С. И. Исаев с волевым прощанием: «Мы изучаем Мичурина и Вильямса и хотим работать, как Папа Ангелина»».

«Когда академик И. Яковлев, профессора С. Исаев, И. Глушенко, В. Столетов и другие рассказывали о живом творческом интересе к мичуринской науке, который они наблюдали в странах народной демократии, о том, как им приходилось чуть ли не каждый день выступать в самых разных аудиториях — студенческих, крестьянских, читать доклады о мичуринской науке в Советском Союзе и отвечать на тысячи вопросов, невольно вспоминаешь пророческие слова Михаила Ивановича Калининна из письма Ивану Владимировичу Мичурину:»

«Чем дальше будет развиваться и крепнуть наш Союз, тем яснее и больше будет значение Ваших достижений в общей системе народно-хозяйственной жизни Союза».

«Помимо соответствующего государственного строя, лучшее будущее трудящихся народов зависит и от соответствующих научных достижений. И для меня не подлежит сомнению, что трудящиеся по достоинству оценят Вашу полновесную и неповторимую для народа работу».

«Классы, обреченные ходом исторического развития на гибель, хватаются за некоторые достижения науки, думая обратить их против народов и таким образом продлить свое существование. Так, американские монополисты, размахавшие атомной бомбой, угрожающей всему человечеству неисчислимыми бедствиями, надеются этим отравить свой неизбежный крах...»

«Тот, кто делает яблони и вишни, выводит новые сорта и овощи, пасажает леса в пустынях, заинтересован в длительном мире, чтобы увидеть плоды своих трудов».

Антинаучные измышления финской «профессора»

Акад. Б. ГРЕКОВ

Заглавие статьи «профессора» В. Кипарского «Викинги у Днепра», помещенной в реакционной финской газете «Хувудстаде-бладет», само по себе вызвало бы ни у кого сомнений, если бы автор ограничился констатацией всем хорошо известного факта появления викингов приблизительно в IX веке в различных частях Европы, в том числе и на Днепре.

Но В. Кипарскому захотелось пойти дальше и сделать вывод, что восточными славянами руководили пизомцы, именно «неславянский народ руссы», и что языком этого народа был древний шведский язык. Таким утверждением он заканчивает свою статью. Автор не скрывает того, что выступает против антинорманистов, в защиту норманской теории. Он думает, что достаточно показать наличие викингов на Днепре и сделать попытку убедить легкомысленного читателя в том, что названия порогов дали шведы, — и антинорманисты повержены во прах!

Между тем вопрос обстоит гораздо сложнее. Под норманизмом мы понимаем теорию, «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность воздвигнуть свою культуру и государственность, утверждающей за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры. Всерьез зачитать эту «теорию» в настоящее время, при нынешнем уровне исторической науки (имею в виду подлинную прогрессивную науку), попросту невозможно. Но В. Кипарский отмахивается на это. Естественно, у каждого читателя возникает вопрос: на чем основаны столь ответственные выводы В. Кипарского? Оказывается, они получены автором из своеобразного филологического толкования названий порогов, приведенных Константином Багрянородным в его произведении «De administrando imperio».

Перед тем как перейти в атаку на антинорманистов, В. Кипарский проводит некоторую подготовку. Он старается убедить читателей, во-первых, в том, что в конце прошлого и начале нынешнего века антинорманисты якобы «даже в России сложили оружие» и только-де после второй мировой войны «борьба была возобновлена советскими историками и филологами»; и, во-вторых, в том, что советские историки и филологи «обходят молчанием» сообщения Константина Багрянородного о днепровских порогах.

Автор, очевидно, попросту не знаком с русской историографией — ни дореволюционной, ни советской, — или намеренно ее игнорирует. В. Васильевский (жизнь во второй половине XIX века) никак не может быть приписан к норманистам; ярко выраженный антинорманист был также Д. Иловайский, С. Гессенов и другие дореволюционные историки.

Советские историки в довоенные годы не только вели борьбу с норманизмом в отдельных исследованиях, но и обобщили эти свои точки зрения в учебниках как для средней, так и для высшей школы. Иначе и быть не могло, поскольку марксистско-ленинская теория исторического процесса предельно ясно доказывает всякому непредвзятому человеку ясно антинаучность «теорий» норманистов. Да и тысячи новых фактов, главным образом, археологических, подкрепляют именно эту точку зрения, начисто опровергая основное положение норманистов об образовании русского государства варягами (см. книгу Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» и другие труды советских ученых).

Таким образом, В. Кипарский, утверждая обратное, допускает грубую ошибку. Опираясь на он и во втором своем утверждении, будто советские ученые «обходят молчанием» название днепровских порогов в сообщении Константина Багрянородного. Автору следовало бы позаниматься с работами С. В. Юшкова «К вопросу о происхождении русского государства» (1940 год) или М. Н. Тихомирова «Происхождение названия «Русь» и «русская земля» (1947 год), где дается новое и совершенно убедительное толкование этой проблемы.

У В. Кипарского имеются и другие ошибки, рассыпанные в его небольшой, но обильной панаучными утверждениями статье. Он считает, например, что вся навигация по Днепру находилась в X веке в руках шведов, так как русские люди — по его мнению — «за исключением белорусских походов на исключение навигации лишь заботами Петра I». Но такое утверждение решительно противоречит всем фактам, прежде всего, тем, какие, казалось бы, должны быть известны всякому, кто берется за толкование текстов X века. Ведь именно к X веку относятся походы славян — руси по Днепру в Черное море и к Константинополю. Сохранились договоры с греками и комментарии к ним русского летописца XI века.

Таким образом, в разбираемой статье В. Кипарского множество замечаний, которые обнаруживают его случайное прикосновение к источникам и важнейшим фактам, связанным с его темой, и полную произвольность его утверждений. Почему он, например, так уверен, что русский летописец называет автором Иордана улицами? На каком основании он убеждает нас в том, что в южном Поднепровье не было антов? Почему он считает «совершенно невероятным», что славяне жили в южном Поднепровье даже до появления здесь печенегов? Почему он отвергает мнение финских ученых Хуго Пиллиппа и Т. Э. Карстена о том, что названия порогов, приведенные Константином на двух языках, имеют одинаковое значение и что славянские формы во всяком случае более старые? Ответить на все эти «почему» совсем нетрудно. И лишь потому, что автору во что бы то ни стало хочется опровергнуть антинорманистские взгляды советских историков и филологов и сделать ставку в данном серьезном вопросе на несомнительность своих читателей. Повторяем: прежде чем браться за перо, В. Кипарскому следовало бы, конечно, позаниматься с тем, что пишут советские ученые и чем они аргументируют свои положения. В. Кипарского, видимо, это и не интере-

сует, ибо без ознакомления с аргументами советских ученых, конечно, легче упрямиться в безответственных писаниях. Но серьезных и добросовестных историков Финляндии ознакомление с трудами советской науки не интересует не может!

Прежде всего необходимо иметь в виду, что ни один советский историк не станет отрицать присутствие варягов в Новгород и частично в Киеве. Точно так же никто из советских историков не будет отрицать скандинавское или датское происхождение викингов. Во вместе с тем никто из советских историков не согласится признать Юрия основателем русского государства по той простой причине, что советские историки не могут повторять басни об отдельных личностях — основателях государств, к какой бы национальности эти личности ни принадлежали.

Для решения вопроса о происхождении государства советские историки ищут материалы, позволяющие судить о степени развития общественного строя данного народа; а поскольку письменных источников для столь ранних периодов, как правило, всегда недостаточно, то историки, естественно, обращаются к археологии.

Советская археология дает нужный материал. Он позволяет утверждать о разложении родового строя у восточных славян уже в середине первого тысячелетия нашей эры, о возникновении городов в VII—VIII веках (раскопки Старой Ладоги, Пскова и других), что могло иметь место лишь в классическом обществе и при наличии государственных форм жизни у восточных славян. Ведь город возникает в итоге отделения ремесла от сельского хозяйства и появляется вместе с переходом от племенного строя к государству; а это означает, следовательно, что русская государственность существовала значительно раньше появления варягов в Европе и, в частности, на Руси.

Наконец, термин «Русь» не так просто расшифровывается, как пытается нас уверить В. Кипарский. Об этом существует и старая и новая литература, опять-таки старательно игнорируемая В. Кипарским. Не следовало ли бы В. Кипарскому с гордым основанием посчитать с теми арабскими писателями IX—X веков, которые иначе думают о Руси, чем В. Кипарский? Масуди, например, называет русов «славянским народом»; Ибн-Хордадбе говорит, что русские «суть племя из славян». В соответствии с этими и другими данными востоковед Уэльсон давно уже заявлял, что «имя «Русь» не было дано нынешней России варягами, но было туземным именем и употреблялось уже очень рано в общепринятом смысле».

В нашем распоряжении карта XI века Махмуда аль-Кашгари, на которой обозначены народы Европы, где строго различаются печенеги, руссы, славяне и варяги. За печенегами к северу лежит Киевское государство (руссы), за ним к северу идет Новгородская земля (словене), и, наконец, еще севернее — варяги. Тут руссы отнюдь не норманны, а основное население Поднепровья, т. е. Киевского государства (И. Умряков, «Самая старая турецкая карта мира (XI век)», Труды Самарского государственного педагогического института, т. I, вып. 1, 1940 г.).

Западноевропейские источники тоже знают Русь — народ «Баварский географ» (конец IX века) знает русских (guzzi), как народ, соседящий с хазарами. Количество доказательств можно значительно увеличить.

Наконец, сам Константин Багрянородный в труде, который привлек внимание В. Кипарского, не один раз Русью называет народ русы, а не варяжских викингов. Константинопольский патриарх Фотий в 866 году говорил о народе рос, как о большом известном народе, за последнее время усилившемся, благодаря завоеванию им соседних народов. Не случайно Волга называлась Рось, а в устье Дона стоял город Россия; названия целого ряда южных рек также происходят от корня «рос». Оскода — Рось, Рось — притоки Днепра в Нарве, Роска на Волгын, Росава и другие. Южный народ «руссы» упоминают и Псевдо-Захария (VI век) и Лев Диакон (X век). «Права Руская» — это не сборник норманских законов, а первый законодательный сборник русского народа.

Не следует также забывать и другой серии фактов, где «рос» обозначает дружину. Из названий порогов у Константина Багрянородного ясно то, что высказали английские историки Карстен и Пиллипп и что вполне согласно с мнением русских историков: пороги назывались именами автохтонов этого края, восточных славян, плававшие по Днепру и прекрасно знакомые с условиями этого плаванья.

Какой-то «варяг», очевидно, тоже служив-

ший в войске византийского императора, сообщив названия порогов византийскому императору на двух языках: на славянском и перевод некоторых этих названий на скандинавский язык. По какой причине этот варяг назвал скандинавский язык русским, — это совершенно особый вопрос, не имеющий никакого отношения к той роли варягов на Руси, какую приписывают им норманисты.

Важно здесь подчеркнуть другое обстоятельство: варяги весьма быстро и бесследно растворились в славянской среде, не внесли даже военных или морских терминов в русский язык (за отдельными единичными исключениями, не идущими ни в какое сравнение с терминами русскими, греческими и терминами восточных народов). Если бы прав был В. Кипарский и те, кто он повторяет, то положение неизбежно было бы иным.

Не бьются убедительностью и призывы В. Кипарским филологические толкования названий днепровских порогов. Порогов этих семь, но названия большинства из них по-славянски звучат очень ясно и не требуют комментариев: 1 — Эсупи (более позднее название Будило), 2 — Островнипрах, 3 — Геландри, что по-славянски, как говорит Константин Багрянородный, значит «шум порога», 4 — Неаситы, позднее Неаситы, 5 — Вульнипрах, 6 — Веруци от древнеславянского «вручии», то есть впадин, 7 — Напреси (Настрези от русского слова стрез, стрезень).

Нельзя забывать, что у Константина Багрянородного названия порогов на обоих языках передаются неточно, что, конечно, усложняет понимание этих названий. Сам Константин Багрянородный название двух порогов затруднился записать или объяснить. Это Эсупи и «шум порога».

Ясно, что большинство названий порогов звучит по-славянски. Имели ли пороги и другие, параллельные названия или же их со славянского языка перевел какой-то варяг, сообщивший свои сведения Константину Багрянородному, — неясно. Но поскольку в Поднепровье автохтонным населением были скифы, а 1949 год, славяне, то естественно сделать вывод, что славяне и дали наименование порогов.

Несмотря на это, В. Кипарский без всяких доказательств произвольно утверждает, что правильное название порогов было скандинавское и лишь позднее эти названия были переведены на славянский язык.

В заключение своего эссе в области филологии В. Кипарский говорит: «Я не буду в связи с этим входить дальше в лингвистические аргументы, заставляющие меня принять весьма осторожное отношение к этим утверждениям» (о славянском происхождении названий порогов. — Б. Г.).

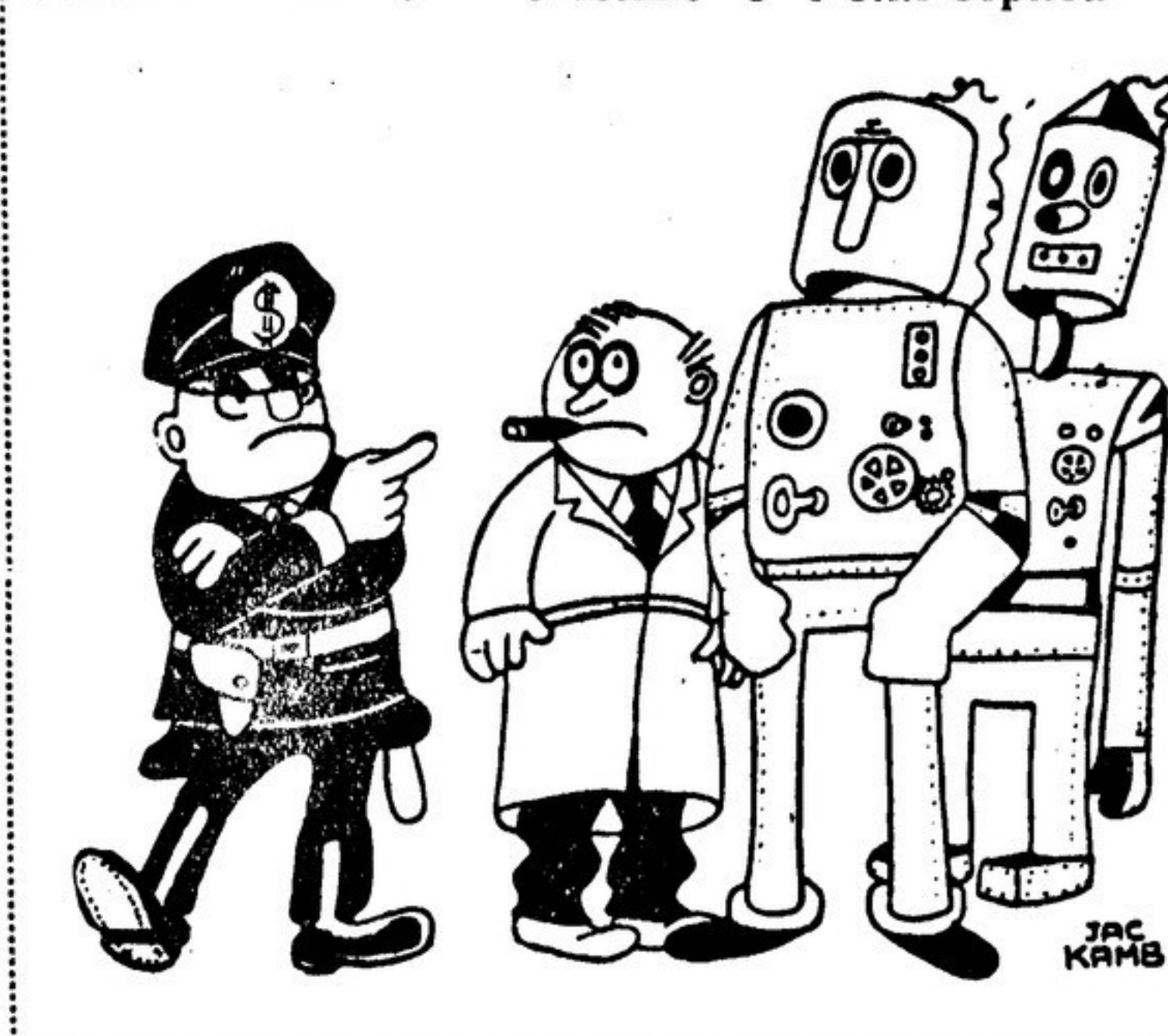
Трудно связать эту оговорку автора с якобы вытекающим из его филологических домыслов совсем неосторожным выводом о том, что «неславянский народ руссы» руководил большинством славянских коллективов. В чем же фактически выразилось это руководство? Автор об этом ничего не сказал, и его вывод никак не связан с его лингвистическими утверждениями, а лишь оптимистически свидетельствует о его желании во что бы то ни стало объявить свой тезис во всеулыбчивую, несколько не заботящуюся его убедительности.

Но какая подлинная наука может оспаривать сейчас утверждение, что Ромул основал римское государство, Польшь и Пяст-польское. Само — чешское, Рюрик — русское и т. д.! Государства образуются не отдельными людьми, а вырастают из недр родового общества классом, способным взять в свои руки власть и установить свое господство. И, разумеется, не скандинавские викинги были этим классом; этот класс был русским, родившимся из русского родового общества, классом, как и весь русский народ ко времени появления на Руси варягов, уже имевшим длительную историю, чем и объясняется то, что варяги столь бесследно растворились в этой русской, достаточно зрелой среде.

Исследование столь сложной проблемы, конечно, надо продолжать; но оно может быть плодотворным только в том случае, если исследователь хорошо знает свой предмет, если он действительно горит желанием постичь истину, если он с вниманием и без пристрастия следит за всеми новейшими трудами в этой области и отрешился от старых, уже разоблаченных и развенчанных теоретических представлений. Все эти качества в статье В. Кипарского полностью отсутствуют. Из нее лишь видно, что отнюдь не научные цели руководили ее автором, а совершенно иные, не имеющие с подлинной наукой ничего общего.

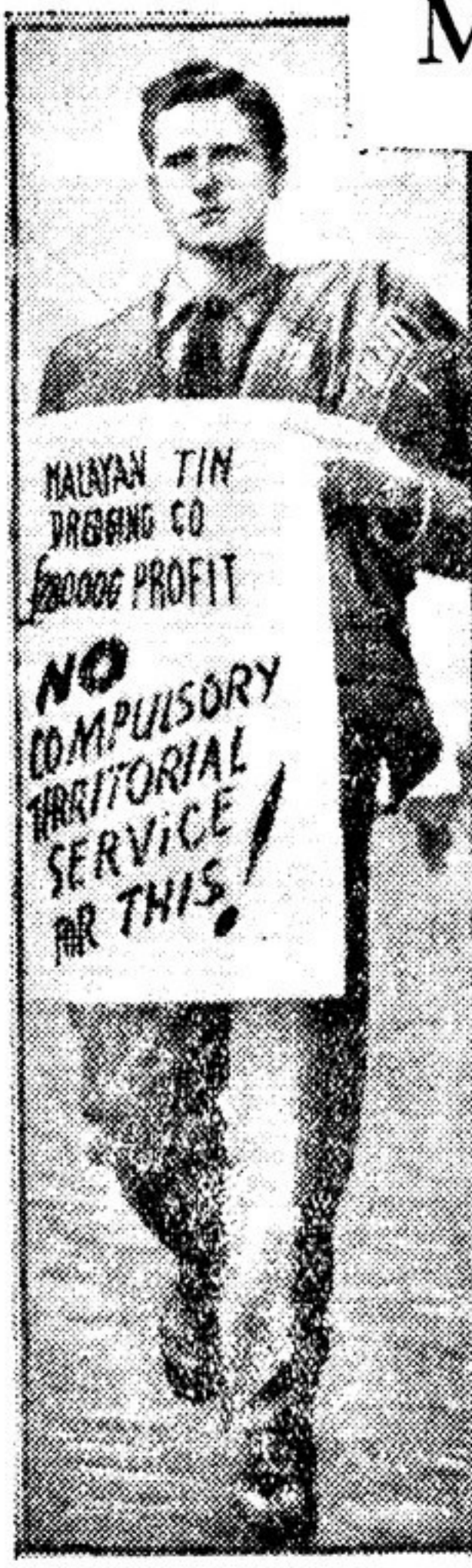
От редакции. В итоговом выводе статьи академика Б. Грекова о так называемой «научной концепции» В. Кипарского подчеркивается, что она продиктована целями, никакого отношения к подлинной науке не имеющими. Вызывает удивление тот факт, что такой «ученый» поставлен во главе финляндского Института изучения СССР.

Ученые с Уолл-стрита

Один американский ученый недавно заявил, что он сконструировал «роботов», которые могут быть использованы на атомных заводах. (Из газет.)

— И вы ручаетесь, что они останутся глухими к призывам сторонников мира? (Рисунок из французской газеты «Юманите».)

АВСТРИЯ ОТВЕТ НАРОДА

Циничное признание австрийского правительства, в котором оно открыто объявило себя противником воззвания Стокгольмского комитета Постоянного комитета сторонников мира, вызвало возмущение и протест со стороны демократических настроенных граждан Австрии.

Правительство Фигля и поддерживающие его реакционеры всех мастей стараются запугать сторонников мира.

В знак протеста против правительственного решения лишь за два дня свыше 25 тысяч жителей Вены присоединились к воззванию сторонников мира. За сравнительно короткий срок по всей стране собрано свыше 300 тысяч подписей.

ДАНИЯ

ВКЛАД БЕЗРАБОТНОГО В ДЕЛО МИРА

Газета «Ланд оф Фольк» сообщает о безработном, который собрал 1200 подписей. А это не так просто в сегодняшней Дании. Характерно, что этот человек, выразивший уверенность в том, что можно будет собрать миллионы подписей среди наших только латчан, вынужден просить газету не сообщать его имени, поскольку он опасается репрессий.

М. АПЛЕТИН

Английские барды и лейбористские обозреватели

Перед нами майский номер английского журнала «Бритиш бук Ньюс». На его обложке в качестве материала, заслуживающего особого внимания читателя, выдана статья некоего Филиппа Гендерсона «Английская поэзия в 1946 году». Этой статье, собственно говоря, и открывается номер, если не считать первых шести страниц, отнанных под рекламу и объявления. «Ознакомившись с тем, что в издательстве «Лонгманс Грин энд компани» вышла обстоятельная «История английской поэзии», в которой можно найти точный ответ на вопрос, когда англичане начали пить кофе, и только в силу того, что история заканчивается 1914 годом, нельзя установить, в каком году значительная часть населения Англии вынуждена была отказаться от этого напитка, читатель приступает к обзору английской поэзии с 1946 года до наших дней.

Автор обзора, Филипп Гендерсон, не отличается многословием: история развития английской поэзии за последние четыре года рассказана на четырех страницах. В основу статьи положен «прейскурантный» принцип — перечислены все без исключения сборники стихов, вышедшие в Англии за последние годы, с точным указанием издательства и книжного магазина, где их можно приобрести. Просматривая эту опись сборников британской поэмы, начинаешь понимать причины тошнотливого душевного состояния лейбористского критика Файлза, писавшего на страницах журнала «Трибуна», что писатели и поэты Англии «лишь смотрят в прошлое, либо за пределы страны; во всяком случае они отворачиваются от Англии при социалистическом правительстве». Обзор Филиппа Гендерсона еще раз подтверждает эту столь неприятную для лейбористских критиков истину.

В ряду перечисляемых автором произведений можно встретить поему о путешествии «Магеллана, поему о Христовом Колумбе, поему о хитромном Олессе, перевод «малых текстов» с ирландского и валлийского языков и т. д. и т. п., но нет ни одного сборника стихотворений, в котором речь шла бы о современной Англии.

Впрочем, беда от современности в далеком историческом прошлом — не самая характерная черта английской поэзии последних лет. Ее подлинное лицо представляет «все возрастающее метафизическое течение», как именует Гендерсон декадентские упаднические поэтические творения наиболее маститых английских бардов.

В качестве «наиболее могущественного и оригинального поэтического дарования нашего времени» автор обозрения называет некоего Роберта Грейса, с нынешним видом повторяющего избитые фразы о том, что «поэт не должен быть слугой общества, а только слугой истинного вдохновения, слугой музыки...». «Язык поэзии», — поучает Роберт Грейс своих собратьев, — должен быть связан своими корнями с общими традициями религиозных мифов и аллегорических ритуалов, — дело поэта превратить этот материал в мистическую науку».

Мистические вихри, сотрясающие по рецептам Грейса и подобных ему творческих людей, долгое время встречались бурным одобрением со стороны английских литера-

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

УДАРНЫЙ ТРУД — ОТВЕТ ПОДЖИГАТЕЛЯ ВОЙНЫ

«Строя родину — укрепляешь мир!» — под этим лозунгом проходила в Чехословакии сбор подписей под призывом Постоянного комитета. Около 9,5 миллиона граждан республики скрепили своими подписями требование о запрещении атомной бомбы, blackmail и понапугав каждую простую человеку. Выразил решимость защищать дело мира и дружбы между народами, трудящиеся Чехословакии все шире развертывают соревнование за досрочное выполнение производственных планов.

«В ответ на призыв поджигателей войны», — заявил в дни сбора подписей ударник машиностроительного завода имени Готвальда в Брно Ф. Пашичек, — я буду выполнять свою норму на 500 процентов». Своё слово Ф. Пашичек сдержал.

ФРАНЦИЯ

ЖАН ЭФФЕЛЬ СОБИРАЕТ ПОДПИСИ

Новые и новые тысячи подписей появляются под призывом Постоянного комитета Стокгольмского воззвания подписали две тысячи врачей-хирургов и студентов медицинских факультетов департамента Сены, известный французский художник Пабло Пикассо, Норбер Эппинас, секретарь федерации социалистической партии департамента Аверон, а также ряд членов социалистической партии.

Видный художник-карикурист Жан Эффель, одним из первых поставивший свою подпись под стокгольмским воззванием, сейчас сам собирает подписи среди жителей своего квартала, обходя «от двери к двери» все дома. Им уже собрано значительное количество подписей.

ИТАЛИЯ

РАЗОБЛАЧИТЬ ПОСОБНИКОВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Начало всенародной кампании по сбору подписей под воззванием сторонников мира было ознаменовано большим митингом, состоявшимся в Риме 2 июня. 100 тысяч граждан столицы горячо приветствовали выступление генерального секретаря коммунистической партии Тольятти, выражающего уверенность в том, что миллионы простых людей, поднявшие голос во всех странах мира, добьются объявления вно закона атомного оружия и спасут мир.

Реакционная печать не в состоянии утаить от читателей обращение к гражданам Италии, подписанное бывшим председателем совета министров профессором Орландо и другими известными итальянскими деятелями. Газета «Пополо» — орган партии христианских демократов, — скрывает, даже пропелла склява зубы, будто бы это обращение встречает «полное одобрение», хотя тут же бесповоротно обставит свое либеральное заявление рядом оговорок и «подозрений».

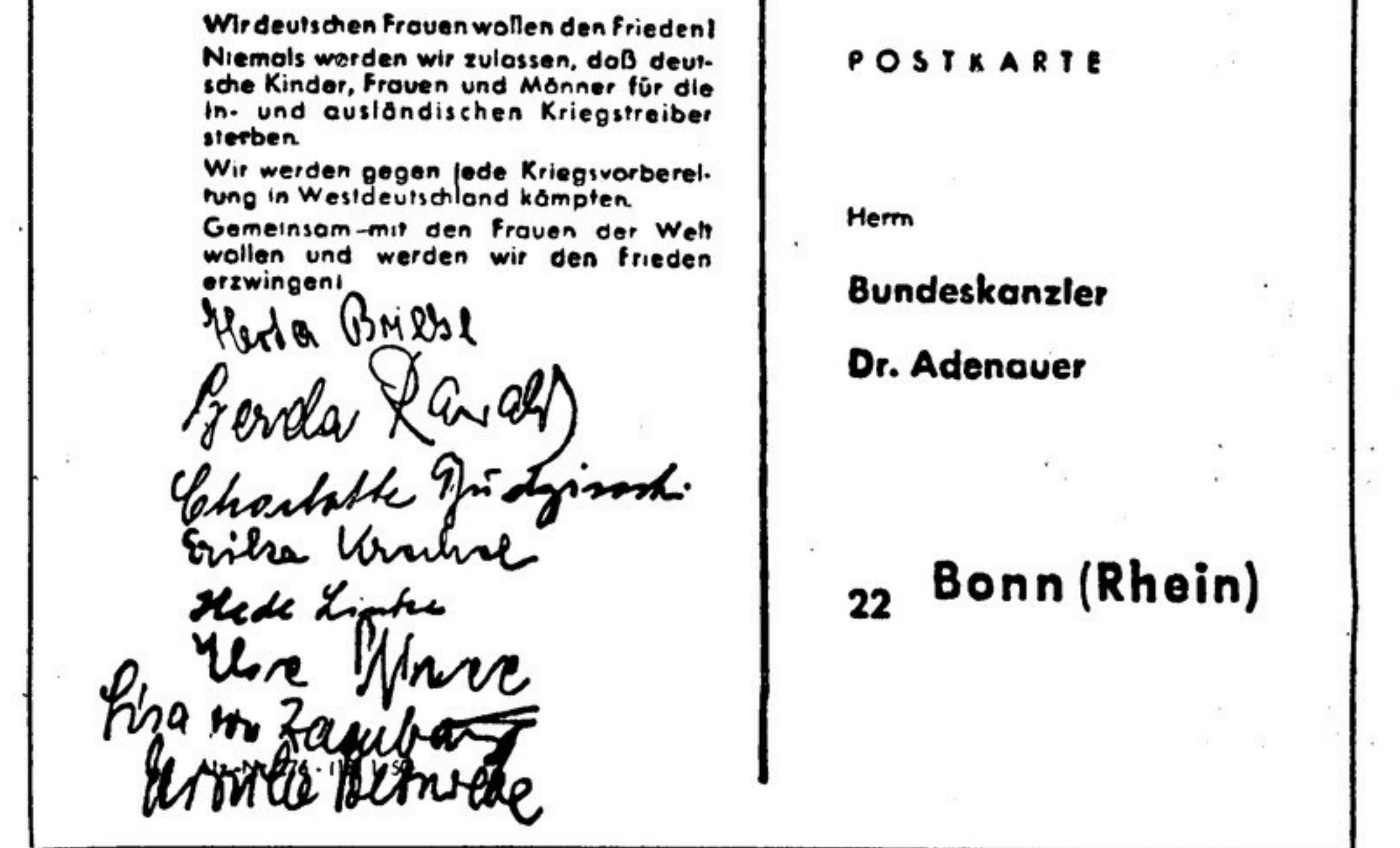
POST KARTE

Herrn

Bundeskanzler

Dr. Adenauer

22 Bonn (Rhein)

750 тысяч таких почтовых открыток с подписями германских женщин было послано в тех частях страны, где правительство Аденауэра «открытые, — хотим мира! Мы никуда не допустим, чтоб дети, женщины и мужчины наших умирали за интересы немецких и иностранных поджигателей войны. Мы будем бороться против всех и всяких военных приготовлений, проводимых в Западной Германии. Совместно с женщинами всего мира мы отстаиваем дело мира!» (Снимок из немецкой газеты «Вейднер цейтунг».)

Английские барды и лейбористские обозреватели

Страницах критиков. Еще совсем недавно на страницах журнала «Бритиш туэдей» некий Алан Росс ставил в заслугу английским бардам то, что в их поэзии не проникает «справки жизни». Возможность процветания подобного рода «поэзии» Алан Росс усматривал в том, что в лейбористской Англии «идеал превратился в действительность», благодаря чему стал возможен «возврат к эпикурейскому миру чувств». В сожаление, критик не дал себе труда подробнее остановиться на том, что он подразумевает под словами «идеал превратился в действительность». В противном случае ему пришлось бы рассказать, что достигнутый лейбористами «идеал» включает в себя наличие в стране 352.900 зарегистрированных безработных, непрерывный рост цен при строго проводимой политике заморозки заработной платы и прочие не менее выразительные атрибуты «эпикурейского английского образа жизни».

Статья Алана Росса была опубликована в ноябрьском номере «Бритиш туэдей» за 1949 год. В том же месяце возмездно о своем закрытии журнал «Хорайзин» на страницах которого главным образом и печатаются образцы «высокой поэзии зрительных сверхонов», столь дорогие сердцу критика. «Крах журнала», превратившего свое существование в результате отсутствия читателей, весьма убедительно продемонстрировал несостоятельность попытки Алана Росса и ему подобных выставить заумные мистические бредни «сетитя» английского Парнаса в качестве высшего достижения английской поэзии.

Лейбористская критика была поставлена перед необходимостью срочно «перестроиться» и состригать новые рецепты для английских писателей и поэтов. С программой статей по этому вопросу выступила редакция журнала «Бритиш туэдей» в июньском номере за 1950 год. Автор статьи (редактор журнала), оценивая современное состояние английской литературы, пишет, что подавляющее большинство пишущихся за последние годы произведений проникнуто страхом и безнадельностью отчаяния. Причины этого он видит в «нераспределенности ряда важнейших проблем» и в «исключительно тяжелых материальных условиях». Как видно даже из этого признания редактора журнала, Алан Росс слишком поторопился провозгласить свой тезис о «превращении идеала в действительность» и «возврате к эпикурейскому миру чувств».

«Разумно», — вещает автор статьи, — отдавать себе ясный отчет в существующем в наше время критическом положении, но неразумно было бы находиться в состоянии постоянной депрессии, вызываемой повышенной чувствительностью к происходящему трагическому кризису».

Статья содержит яростные призывы к «антимизму во что бы то ни стало». В ней расточаются безудержные похвалы некое-

му Кристофору Фрау за то, что в его поэме «Обозреваемая Венчра», «...правдиво отражающая жизнь современного общества, нет ни противоречивых мыслей, ни отчаяния». Особенное умиление лейбористского критика вызывает то, что в этой стихотворной драме молодежь «...упорно продолжает строить планы своей будущей жизни», в чем автор видит подтверждение своей мысли о том, что «этот неуверенности и разочарования проиден».

Назначение и цель этой демографической статьи ясны для каждого. В условиях жестокого кризиса, переживаемого лейбористской Англией, писателями и поэтами предлагается выступить в роли примеров и декораторов, в роли медоприводящих строителей воздушных замков, проповедующих «оптимизм во что бы то ни стало». В полном соответствии с лейбористской доктриной литературные подрачные Бевина и Этгли призывают реакционных английских литераторов создавать такие произведения, которые, изображая жизнь английского общества в псевдорреалистическом манере, искажали бы подлинную картину жизни маршализируемой Англии.

«Мы не хотим больше закрывать глаза на действительность», — возмещает «Бритиш туэдей».

«Мы не хотим, чтобы писатели и поэты отворачивались от Англии при лейбористском правительстве!» — вторит ему журнал «Трибуна».

Отныне лейбористские критики не возражают против того, чтобы в стихах и прозе демографически впадало о критическом подожении (скрывать это становится невозможным!), но им очень не хотелось бы, чтобы перестали верить в новые планы и обещания Бевина и Этгли «только по позтому», что их старые планы позорно провалились!

Трудно сказать, сколь скоро мы увидим в массовом количестве литературные произведения, которые должны последовать за этим манифестом «лейбористского реализма». Несомненно, что они появятся, но еще более несомненно, что широкие читательские круги Англии не дадут ввести себя в обман лейбористским примером и декоратором от литературы. Простые люди Англии слишком хорошо знают, что «достоинства» лейбористов, о которых хотят читать в стихах и прозе английские лакеи Уолл-стрита, говоря словами Байрона из сатирической поэмы «Английские барды и шотландские обозреватели», — «лишь призраки блестящие они, лишь вымыслы одни воображения».

В Англии, как и во всем мире, крепнет фронт борцов против поджигателей войны, фронт черных сил реакции. К этому фронту примыкают лучшие литературные силы Англии, выражающие подлинные мечты и чаяния английского народа. Они и создают настоящую реалистическую литературу.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-8 Обдвденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — Г 6-44-48, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

B01677